

ня, антиклерикалки, в горле. Видимо, и родители мужа видят во мне нечто такое, чему они не находят имени. Я не женщина, но жена их сына. Я субъект другого мира, о котором они много слышали, но не поняли, что это. Не думайте, что они испугались моего коммунистического прошлого. Оба, хотя и католики по своей вере в Бога, воинствующие «социалисты» — по вере в социальную справедливость. И уж конечно, дело не в моем иностранном происхождении. Муж всю жизнь любил путешествовать и всегда жил с иностранками. С индианкой он прожил целых семь лет. И это не вызвало какого-либо замешательства у родственников. Наверное, индианка все-таки ближе и понятнее французской буржуазии, чем девушка из бедных московских кварталов.

Про деньги и поцелуи

Однажды я очень захворала. Муж отвез меня в американский госпиталь — очень дорогое заведение. Пролежав там три часа, я по выходе заплатила пятьдесят тысяч франков и принялась с нетерпением ждать. Нет, не результатов лабораторных анализов, а квитанции из страховой компании. Ведь по закону о страховке мне должны были спустя какое-то время вернуть родимые пятьдесят тысяч. Ответ все не шел. И тут — эврика! Наверное, они возместили мои убытки, перечислив деньги на счет Франсуа. Так как он меня записывал в гештальт на свое имя.

Но пятьдесят-то тысяч я выписала от себя лично! Из своего кармана! Значит, ничего неприличного нет в том, чтобы спросить за завтраком извиняющимся тоном:

— Франсуа, ты не посмотрел бы в твоих банковских бумагах, может быть, страховка по ошибке тебе перевела пятьдесят тысяч?
— Да. Уже много месяцев назад они все перевели.
— ???

— А ты что, полагаешь, что я тебе эти деньги должен? Ну, Натали, в таком случае ты мне должна гораздо больше...

Брак — это совместный труд и совместно нажитое имущество, скажет вам любой адвокат. В браке нет более сильного и более слабого пола. Если вы с этим не согласны, лучше оставьте любовниками.

Недавно французское телевидение заказало мне материал на тему разводов. Пришлось погрузиться в несколько десятков досье и поговорить с некоторым количеством адвокатов. Разводиться во Франции — долго и дорого. Даже если все согласны с взаимными претензиями и ничего не хотят делить, процедура эта займет года два, а гонорары двух адвокатов обойдутся вам в копейку. Но редко когда развод происходит полюбовно. Все-таки приходится делить жилплощадь, детей, мебель и рыб в аквариуме. По закону муж должен обеспечить жене тот уровень жизни, который она имела при совместном проживании. Поэтому детям положены алименты, а жене — пансион. Меня поразило, что французские, такие «формальные» при разделе имущества, категорически отказываются от пансиона для себя, полагая, что развод не означает автоматической инвалидности.

С деньгами отношения у французов не такие однозначные, как у русских. Возьмем такой простой пример, как взятка. Дать во Франции взятку совершенно невозможно. При этом все их получают. Вот такое единство и борьба противоположностей. Попав в больницу, моя мать, живущая со мной в Париже, нуждалась в постоянном к себе внимании медицинской сестры. Муж категорически отказался дать этой сестре триста франков «на лапу». И вот однажды, позвонив мне с работы, он по-деловому сообщил, что захватил в больницу и все уладил. «Как?» — поинтересовалась я. — «Я дал ей триста франков и попросил: если Люба (моя мать) попросит что-нибудь кушать, например газету, пусть она купит ее на эти деньги». Мамаша лежала в реанимации с трубками во всех местах и с капельницами. Чтение газет никак не представлялось возможным. Но и взяткой дача трех сотен уже не была.

Конечно, можно посмеяться над этим жеманством и лицемерием. Когда французы формально улыбаются вам на улицах или в

лифте, это тоже лицемерие. Но я, говоря по совести, тысячу раз предпочитаю, чтобы мне формально улыбались и не любили в глубине души. В России же, когда я ставлю на место людей, говорящих со мной на повышенных тонах, они часто оправдываются любовью. «Мы же хотим тебе добра», — говорят родственники, нахваливая от всей души.

При том что, как в любой другой цивилизации, во Франции деньги играют важную роль, не дай бог говорить о них вслух. Католики, в отличие от евреев, с деньгами связывают все пороки и грязь. Трогать деньги — большой грех, поэтому, наверное, у входа в Нотр-Дам стоят большие копилки с прорезями для крупных купюр, защищая руки и глаза служителей культа от нечистого. Чем богаче люди, тем больше они презирают деньги. Я знала одного директора гольф-клуба, чья зарплата не намного превышала гонорар администратора муниципального стадиона. По роду работы бедняге часто приходилось выпивать в баре с сильными мира рюмку чая. За десять лет работы, может быть, четыре раза у разных президентов оказывалась мелочь в карманах, чтобы оплатить выпитое. Обычно же, похлопав директоршику по плечу, они говорили, что за ними должок, и уезжали на «ягуарах» вершить великие дела.

И еще одно наблюдение: богатые французы могут себе позволить дать содержание своим детям, купить им квартиры. Однако студенты из богатых семей живут на мансардах без горячей воды и с туалетом на этаже. А своим четырнадцатилетним отпрыскам московские телевизионные руководители, приезжающие на переговоры в Париж, требуют лимузины за счет приглашающей стороны, чтобы они получили «познакомились с европейской культурой».

...А вообще должна вам сказать, что в большинстве своем французы — милейшие люди. Особенно мне правится в них страсть к поцелуям. Любят они целоваться. По многу раз на день, когда здороваются, когда говорят до свидания. Сколько бы ни было народу на тусовке, все должно ритуально друг друга перещеловать. Часто по четыре раза. Наиболее «сухие» парижане — по два. Если на каждую процедуру приветствия у француза уходит четыре секунды, то в среднем он проводит в своей жизни 87 дней 12 часов и 10 секунд в поцелуях часто с совсем неизвестными людьми. Ну что на это скажешь?

Мрамор любви

Напротив моего дома находится Passy — одно из самых шикарных кладбищ Парижа. Когда издали на него смотришь, диву даешься. Далеко ввысь поднимается православный крест.

Православная церковь над островком католического парадиза? Пошла посмотреть. Нет, не церковь. Склеп. Русской барышни Марии Башкирцевой. Носилась по Франции, кружила голову французским художникам, сводила с ума. Потом умерла, а любовники в складчину памятник ей отгрохали, забыв про рыцарские поединки при жизни. Умеют русские женщины оставить в недоумении. Но стали бы русские пигмалионы ставить памятник?

Наверное, я тут много всего наговорила про любимых мной французов. Но главное, с ними я всегда чувствую себя женщиной. И за это я могу им простить все. А вот в родной Москве мои пьедесталы куда-то каждый раз деваются. Наверное, пигмалионы заняты накоплением первичного капитала на мрамор, так что стоять моему памятнику в Париже, наверное. А что? Уже были попытки. Муж год назад повесил на стене дома, возле которого мы встретились, мраморную доску. Мне ничего не сказал. Это от друзей я узнала. Приехала полиция. Стали снимать доску. Он подошел — забрал. Через несколько часов повесил снова, но выше. С десятиметровой высоты ее снимали с помощью пожарной лестницы.

Мария не позволила памятника при жизни. Придется подождать... Пока эта доска хранится у нас дома, и я каждую неделю стираю с нее пыль.

ПОМОГИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА!

РОССИЙСКИЙ ФОНД ПОМОЩИ

ФОТО АЛЕКСЕЯ ВАСИЛЬЕВА

Еще раз про Любутку

Слово «любута» у жителей деревни Момино Тверской области означает «любовь». Любуткой называется здешняя речка, которая протекает под холмом, и еще так называется удивительная маленькая община.

Мы писали про жизнь любутян в прошлом ноябре. Про то, как восемь лет назад Елена Арманд со своей ученицей Машей приехала из Москвы работать в районный интернат для умственно отсталых детей. Это были две мужественные женщины, но все равно они не научились спокойно смотреть на то, как изощренно истязают маленьких пациентов в лечебном учреждении. Изменить ничего было нельзя. Тогда они купили неподалеку брошенный деревенский дом и взяли к себе нескольких ребятишек. Диагнозы у ребят были страшные, советская медицина не бралась лечить ни одну из их болезней. Елена Арманд тоже не берется — но лечит.

Дети подросли. Их научили грамоте и научили жить по-человечески. Любутка обзавелась хозяйством (грядки, куры, козы, корова) и стала обрывать друзьями. Приезжают добровольные помощники (кто на время, кто навсегда) — работают, строят, отогреваются душой.

Этой зимой Елена Арманд взяла из московских детских учреждений еще двоих ребят «с психическими отклонениями» — Ваню и Диму. Они уже знали жизнь, эти мальчики. «Мамку мою посади скоро», — говорил Дима. «А моя уже сидит», — отвечал Ваня. Такие вещи в психиатрических клиниках уж точно не лечат.

Любутка вообще-то живет счастливо. Но это, конечно, не карамельное розовое счастье, оно приправлено постоянными боями за выживание. Любутка считается общественной организацией и никак не может получить статус организации благотворительной. Поэтому она платит налоги, периодически разбирается с представителями власти всех мастей, и ее банковский счет арестован. Особенно трудно и голодно здесь зимой. Летом спасает собственное натуральное хозяйство. Еще помогают немецкие студенты, которые отчисляют деньги со своих стипендий. Кое-что удалось сделать через Российский фонд помощи после той, прошлогодней публикации, но, к сожалению, немно-

го (звонки были, но не сразу удалось придумать, как передавать подарки и куда перечислять средства). Теперь у нас есть все координаты. Сейчас любутянам больше всего нужны деньги (на еду и прочие первоочередные нужды) и еще им очень пригодился бы кухонный комбайн.

Двадцать седьмого июня в Момино из Москвы приехал автомобиль с подарками от Фонда помощи. Это был праздник. Уже через час детвора раскатывала по деревне на всех трех дареных велосипедах — впервые в жизни. Маленький корейский телевизор, тоже первый (и единственный) здесь, быстро настроили. Коробки и пакеты с бананами-конфетами вмиг утащили в дом. И бананы, можете не сомневаться, не залежались.

Елена Арманд, удивляясь (непривычно, что кто-то заботится так долго), благодарила всех и радовалась:

— Такое время, а душа все-таки жива — это счастье.

Еще она высказала одну («деликатную», по ее выражению) просьбу — по поводу видеомэгафона.

Оказывается, по деревне ходят несколько видеокассет с вампирами и ужасами, и Любутка хочет затмить их хорошими

ФОТО АЛЕКСЕЯ ВАСИЛЬЕВА

Маришка с дочерью Наташей живут в Любутке. Здесь не хватает денег, зато в добрых чувствах никогда не бывает дефицита

ФОТО АЛЕКСЕЯ ВАСИЛЬЕВА

Елена Арманд раньше давала уроки пластики по системе Айседоры Дункан и прекрасно танцевала. Теперь она свет, полет, косит и выхаживает детей. Также красиво получается

фильмами («Хотя бы и „Приключения Шурика“», — сказала Арманд) и добрыми мультфильмами.

От себя добавим: еще лучше, если это будет телевизор с видеоманитофоном, — у Любушки теперь три дома, и добрые фильмы не помешают ни одному из них.

Спасибо, добрые люди!

Самое главное, что вы есть. И поэтому звонит телефон. И поэтому столько всего происходит!

Вот Татьяна Киселева приходит на московскую почту отправлять в Казань деньги и шесть больших посылок с постельным бельем и детской одеждой. И даже много повывавшие на своем веку работники почтового отделения терпят самообладание, когда выясняют, что посылки предназначены совершенно незнакомой многолетней маме: они решительно нарушают порядок и не берут с Татьяны никаких денег за посылки.

Потом юная москвичка Наташа звонит (в трубке неуверенный, совсем детский голосок) и сообщает нам, что отправила в город Трубчевск для четырехлетней Иры Сироткиной только

семьдесят тысяч рублей, а нужно целых десять миллионов рублей. И Наташа как бы оправдывается: больше, говорит, дать не могу, сама сижу без денег.

А в доме Кононовых из Калужской области случилась вот что. Прямо из страны Швейцарии им позвонил наш читатель (он находился в Швейцарии в командировке) и попросил сообщить, какая техника нужна для работы талантливому Саше (у него церебральный паралич). После чего целый комплект отличной иностранной компьютерной техники, специально приспособленной для инвалидов, был доставлен по адресу, и Саша теперь сможет работать.

Маме Ани Никишкиной (девочку, страдающую редким видом карликовости, были готовы бесплатно лечить американские врачи, но требовались деньги на поездку в США) двое молодых людей вручили три с половиной тысячи долларов.

Около двадцати миллионов рублей для тяжело больных детишек пришло в Республиканскую детскую клиническую больницу в Москве, причем большая часть денег — от людей, которые помогают больные уже из месяца в месяц. Настоятель большого храма священник Георгий Чистяков под впечатлением от ваших добрых дел даже решил написать статью о милосердии. (Мы тоже находимся под впечатлением и потому спешим доложить подробнее, чем обычно, про все добрые дела, о которых нам стало известно к моменту подготовки этого двойного номера. Правда, опять без точных имен и фамилий, потому что почти никто из вас, как всегда, не хочет быть названным.)

В ермолинский дом ребенка перечислено 15 млн рублей. Еще ермолинцам привезли целый автомобиль стройматериалов, пятьсот пар обуви, одежду и коробки со сладостями (шоколадных конфет детям купили на полтора миллиона рублей).

Для тасяного детского сада Новосибирской области москвичи собрали четыре посылки с красками, пластилином, альбомами для рисования и тетрадками и 1 млн рублей.

Семь миллионов рублей отправлено на лечение дочери Валентины Зыковой в Иркутскую область.

На лечение Коли Полухина из Волгоградской области в московскую клинику передали 6 млн 200 тыс. рублей.

Наталье Горб из Белгородской области для ее дочери послано 2,4 млн рублей (на полный курс лечения требуется на 1 млн рублей больше, но мы надеемся, что и эти деньги будут отправлены, так как желающих помочь девочке и позвонивших в фонд было очень много).

Москвичка Ольга отправила 300 тысяч рублей Кате Радиковой-Клейменовой (Ольга заверила нас, что теперь ежемесячно будет высылать Кате такую же сумму).

Наталья Борисовна, Иветта и Иракий отправили Галине Жук в Казань 2,2 млн рублей. Люба из Москвы и Рая из Харькова послали посылки с вещами Людмиле Березняковой на Алтай.

Тамара из Нового Уренгоя сделала сразу два перевода: 500 тыс. рублей послала Маргарите Васильевне Цытович в Санкт-Петербург (помните, бабушка воспитывает троих сирот-внуков на свою пенсию) и 1,5 млн рублей — в Пермскую область Галине Соколовой, у которой трое больных сыновей. И еще Тамара отправила две посылки с вещами детям Марии Волковой в Нижегородскую область.

Майя Исаковна из Москвы передала новую электрическую швейную машинку «Чайка» для Галины Краснослободцевой (Алтайский край).

Дай вам Бог здоровья, друзья. Без вас жить было бы трудно!

Для тех, кто не читал предыдущие выпуски журнала Российский фонд помощи создан осенью 1996 года. Он действует как посредник между людьми, которые оказались в беде, и людьми, готовыми им помочь. Фонд получает письма, тщательно их проверяет, мы эти письма ежемесячно публикуем, а вы звоните в фонд, получаете адреса тех, кого хотите поддержать, и дальше действуете самостоятельно.

✉

Пишет вам бабушка двоих внуков. Пять лет назад у меня умерла дочь, было ей всего 29 лет. Остались сиротами двое детей. Славику сейчас уже 13 с половиной лет, а Инне 12. Все эти годы они живут со мной. Их отец ни разу даже не позвонил, чтобы хоть поинтересоваться здоровьем и успехами. Ну да бог с ним, это не отец, раз вот так предал своих детей. Вот и воспитываю их на свою пенсию, 233 тыс. рублей, да детское пособие, 392 тыс. рублей на двоих. Прямо скажу: в финансовом отношении очень тяжело. Дети совсем пообросились. Донашивают куртки, что я смогла купить на «раскладушках» — уцененные. Одна радость: учатся они просто очень хорошо. И мне их постоянно хвалят. Дети не по годам понятливые, видят, как мне трудно. Конечно, была бы их мама жива, все бы у них сложилось по-иному. Дочка у меня была замечательная. Мальчику теперь снятся компьютерные игры, а у нас даже старенький магнитофон «Маяк», как ни берегли, и тот сломался. Мне очень хочется вырастить внуков хорошими людьми. Но смогу ли я их поднять, помощи-то ждать не от кого. Мне уже 58 лет, позади четыре гипертонических криза. Иногда кажется, ну все, не могу больше, нет сил. Но берешь себя в руки — и снова жить. Помогите нам чем можете, не оставляйте в беде. **Инна Павловна Тихомирова, Санкт-Петербург**

✉

После полиомиелита, перенесенного в детстве, у меня парализованы ноги и очень слабые руки. Что поделаешь, не могу самостоятельно управлять инвалидной коляской. Вот в таком положении после скоропостижной смерти мамы я оказалась в доме-интернате среди чужих людей. Не думала, что выживу. Потом еще была онкологическая операция... Но, несмотря на все удары судьбы, жизнь продолжается. Я всегда мечтала о коляске с электроприводом, чтобы можно было, нажав кнопку, управлять самой без посторонней помощи и ехать куда захочется. Мои друзья списались с канадским инвалидом Риком Хансаном. В результате мне прислали такую коляску-мечту. Три года она исправно прослужила, сделав мою жизнь более свободной и независимой. А теперь вышли из строя аккумуляторы, заменить которые я не могу по единственной причине: нет денег. Надо 550 тыс. руб. Здесь, в интернате я ежемесячно получаю 25% пенсии — это 50 тыс. руб. Они уходят на оплату телефона и, если что остается, на дополнительное питание. Люди добрые, помогите приобрести два кислотных аккумулятора! К сожалению, годятся только американские: 12-вольтовые батареи, размер 22NF, минимальная емкость 40 ампер/ч. Или так: ширина (каждого аккумулятора) — 135 мм, длина — 230 мм, высота — 190 мм. Извините, еще просьба: может, у кого-то есть ненужный телевизор с дистанционным управлением, чтобы я могла самостоятельно включать и выключать когда хочется, не тревожа соседей? **Галина Гордичева, Кацужская обл.**

✉

Дожив до 50 лет, я осталась одна. Детей никогда не было, здоровье слабеет и ничего хорошего уже не предвидится. Работая санитаркой в доме-интернате для престарелых. Зарплата — 180 тыс. рублей, да и ту задерживают. Обеспеченных родных у меня нет. Обращаюсь в ваш фонд с большой просьбой. Может, найдется добрая душа, у кого есть ненужное, но еще добротное зимнее пальто. Я никак не выкрою себе на покупку нового. А мое совсем развалилось. Мой размер 46-48, рост 170. Можно любого цвета и фасона, лишь бы было тепло. **В. В. Преображенская, Тамбовская обл.**

✉

У нас обычная рабочая семья. Воспитываем двух девочек — 18 и 14 лет. Я работаю санитаркой в туберкулезном диспансере (конечно, не по призванию: просто пока больше нигде, а на родном заводе еще четыре года назад попала под сокращение). Муж тоже рабочий. А дело вот в чем. Наша старшая дочь заканчивает училище — будет швеей. Однако на фабричную работу ей не устроится, туда берут только с трехлетним стажем. А свою профессию она очень любит. Вот и горюем вместе: что же делать? Выход есть — в надомной работе. Но нужна своя швейная машина, которой у нас нет, и скопить на нее мы не в состоянии. Дочь переживает тихо, понимает нас с отцом. А я прямо извелась. Ночей не сплю. Что же это мы за родители, если не можем выручить ее? Может, найдется человек, которому мое письмо не покажется чистым попрошайничеством, и он захочет помочь девушке, мечтающей о честном заработке. **Татьяна Лукашина, Новосибирская обл.**

✉

Трудное положение и чрезвычайные обстоятельства вынуждают меня обратиться к вам. В начале этого года комитет соцзащиты г. Москвы выделил мне автомашину «Ока» с ручным управлением, но оплатил «Автоконтракт» лишь стоимость мотоколяски, полагающейся по закону таким, как я, инвалидам, и не выпускающейся нашей промышленностью уже многие годы. Так вот, разница между стоимостью «Оки» и мотоколяски должен оплатить я. Это 10 млн рублей — чистая фантастика для меня. С моей-то пенсией и трех лет не хватит, чтобы накопить такую сумму. Даже если не есть и не оплачивать коммунальных услуг. А там, возможно, и автомобиль не потребуется. Но пока я живой. И очень надеюсь, что найдется добрая душа и я смогу бывать на белом свете. Видеть не только макушки берез да тополей через окно квартиры, но и всю матушку-Землю, родную и вечную. Прилагаю решение комитета соцзащиты Москвы и справку транспортной комиссии горВТЭКа. Храни вас Господь! **Леонид Владимирович Березинский, г. Москва**

✉

В 1989 году в нашей семье случилось несчастье — автокатастрофа. Погиб папа, а я получила травму позвоночника. Две операции оказались исключительно неудачными, а третья — лишь исправлением ошибок, допущенных ранее. Но все это не сломило меня. И даже после трех мучительных операций я очень хотела ходить и жить полной жизнью. Позади занятия в реабилитационном центре Дикюля (по 8-10 часов в сутки), курсы электростимуляции. Я научилась управлять непослушным телом, стала, пусть медленно,

РОССИЙСКИЙ ФОНД ПОМОЩИ

пусть при помощи приспособлений, передвигаться. На это ушло пять лет. Из беспомощного создания, не способного даже одеться самостоятельно, я превратила себя в сильного, уверенного человека.

Вскоре после несчастья Грузия, в которой мы жили, стала ближним зарубежьем, а лечение в Москве — платным. На мою реабилитацию ушли все семейные запасы. Мы переехали в Краснодарский край. Вырученной за тбилисскую квартиру суммы хватило только на саманную хату, вокруг которой нет даже забора. В деревенском доме мне трудно. Я опять стала очень зависимым от посторонней помощи человеком. Но я все равно не сдаюсь. Закончила курсы автовождения, изучаю английский язык и бухгалтерский учет. Я очень стараюсь найти себе трудовое место в жизни, так как на пенсию в 220 тыс. рублей можно только прозябать, мучаясь от собственной невосребованности. Но, чтобы применить свои знания, очень нужен телефон. В моем захолустье для меня он станет окном в мир. Но его установка стоит около 4 млн рублей. Я три года пытаюсь найти спонсора. И вот теперь пишу к вам. Я очень рассчитываю на вашу помощь, так как всегда из всех сил стараюсь надеяться на лучшее. Елена Букурова, Краснодарский край

Заместитель генерального директора краевого департамента социальной защиты Валентина Кузнецова после проверки письма сообщила следующее: Лена необыкновенно мужественный человек и просто умница. Она инвалид I-й группы, но никогда не жалуется на судьбу и в своей дальней станции, в двадцатиметровой хатке живет очень активно. Телефон ей действительно очень необходим, но у департамента, к сожалению, нет необходимых для этого денег.

Дорогие добрые люди! Моя семья прибыла в Россию из Туркменистана. Мы там родились, но наши отцы и деды — выходцы из России. Выехали мы не то чтобы от плохой жизни — трудно сейчас везде, — а ради детей. Может, это было глупо и впоследствии дети осудят нас. Но, видит Бог, мы хотели только хорошего. Чтобы сынок и дочка выучились и завели собственные семьи в России. Мы продали все, оставив лишь самое необходимое. А квартиру (трехкомнатную) сдали ЖЭКу и получили справку. И вот с таким грузом, с надеждой и патриотизмом отправились в Псков. Родственники устроили нас в общежитие. Они обещали помочь приобрести зимнюю одежду. Но я и спустя три года после переезда не могу купить семье теплые вещи. Я не обижаясь на родню. Всем трудно. А у нас с мужем все же есть работа. Что же до невыплаченной зарплаты, так ее всем задерживают. Крутимся, но как же это трудно! Порой такое отчаяние берет. Узнав о вашем фонде, я поняла, что есть на русской земле хорошие люди. Низкий вам поклон. Теперь и у меня есть надежда. И даже если вы не сможете мне помочь, спасибо уже за то, что пишете о доброте. Наталья Спелова, Псков

Другую такую дружную и работающую семью еще надо поискать, сказали нам в Нековском областном управлении соцзащиты. Его сотрудники побывали у Спеловых по нашей просьбе. В Некове действительно очень трудно найти работу, и действительно заработанных денег Спеловы не видят месяцами. Их долг за общежитие — 500 тыс. руб. Выручают случайные заработки, а иногда и самодельная удочка их 14-лет-

него Саша. Мама корит себя, что так и не смогла купить сыну даже резиновые сапоги и настоящее удилище. Больше всего семья нуждается в зимней одежде и обуви.

Три года назад я похоронила мужа. А через два месяца после похорон призвали в армию сына Дениса. Ждала домой живого и здорового, но судьба, видимо, меня еще мало била. Получаю телеграмму, что сын прямо перед демобилизацией попал в реанимацию. Еду в Пермь, по месту службы. Узнаю, что буквально за четыре часа до поезда домой на него напали какие-то подонки. Ума не приложу, на что они позарились. Избили до потери сознания и бросили на стройке в 25-градусный мороз. И мой сын остался без обеих кистей рук. Прошло пять месяцев. Узнала, что в Москве специалисты высочайшего класса делают просто чудеса: пальцы с ног переставляют на руки. И человек может даже расписаться! Одна операция стоит 15 млн рублей. На мою зарплату медсестры много не накопишь. Где могла, просила, обивала пороги всех предприятий города. И набрала 11 млн рублей. 20 мая доктор Цыганков и другие врачи сделали чудо. Пересадили два пальца на правую руку. Но денег на вторую руку и на содержание сына в больнице у меня больше нет. Я в полном отчаянии. Честное слово, никогда не писала бы таких писем, будь жив муж. Рита Задаеная, Чистополь

Врач ЦНИИ протезирования и протезостроения Владимир Иванович Цыганков сказал нам, что Денис Задаеный был выписан из института еще в июне. В конце сентября врач ждет парня на новую операцию, которая стоит 16 млн рублей. Когда готовился к печати этот номер журнала, Маргарита Федоровна сообщила в фонд, что в Минсобесе Татарстана ей пообещали 6 млн рублей и теперь требуется еще 10 млн.

Мой ребенок болеет уже год. Сколиоз третьей степени, быстро прогрессирующий. Все советы врачей мы добросовестно выполняли: лечебная гимнастика, массаж, плавание. Ничего не помогало. Я стала искать другие методы лечения. Как теперь всем известно, качественное лечение стоит очень больших денег. Мы продали автомашину. И все деньги ушли на лечение. Но результат — со второй степени сколиоза мы передвинулись на третью. Не помог даже известный костоправ А. В. Богданов. Наша девочка очень страдает от такого внешнего недостатка. Но если бы только во внешности было дело! Уже прибалывают сердце и желудок, появились плоскостопие. Юленька постоянно спрашивает у меня, когда же пройдет у нее эта болезнь. Как могу утешаю, а плачу, только когда остаюсь одна. Денег теперь уже нет не только на лечение, но и полноценное питание. Полтора года назад мы переехали сюда из Улан-Удэ. Муж бывший военный, сейчас на пенсии. А я из-за болезни дочери и собственного плохого самочувствия не работаю. Да и трудно устроиться сейчас на работу. Теперь вот появилась надежда на излечение девочки лазером. Однако курс лечения стоит \$1000. Стыдно и унижительно просить, но что делать. Поймите меня правильно. Елизавета Шупенько, Московская обл.

Друзья! Если вы можете помочь авторам этих писем, за адресами обращайтесь в Российский фонд помощи по тел.: (095) 158-69-06.

Организация деловых совещаний, встреч на высоком уровне, семинаров и конференций

Там, где кончаются проблемы!

Стоимость одного дня участия в конференции - от \$70.

Современные помещения для заседаний, профессиональный перевод, услуги секретарей, превосходное обслуживание деловых встреч и конференций.

Доступный всем Центр здоровья и отдыха, великолепный пляж со всеми видами водного спорта, прекрасный климат и выгодное расположение - Ваш лучший выбор.

Курортный проспект, 103, Сочи, 354024, Россия. Телефон в Москве: (095) 255-3800, факс: 255-3804. Телефон в Сочи: (8622) 975-974.

Radisson
LAZURNAYA HOTEL SOCHI

Официальный представитель в Москве и Московской области АО "Релиз" тел. (095) 229-80-72.